

*Светлана
Ананьева*

ИБРАЙ АЛТЫНСАРИН: ЕГО ОБРАЗ, ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Великий казахский педагог-просветитель XIX века, прозаик, поэт, переводчик, этнограф Ибрагим Алтынсарин, чье 180-летие отмечается в этом году, вошел в историю просвещения родного народа как автор первой казахской хрестоматии и первых учебных пособий, как выдающийся общественный деятель, чьи труды и просветительские идеи, научное, педагогическое, литературное наследие важны в Казахстане, отмечающем 30-летие своей независимости.

Яркая жизнь и деятельность незаурядного для своего времени подвижника привлекали к Ибраю Алтынсарину внимание современных ему исследователей казахской степи и последующие поколения ученых, фольклористов, писателей, создавших его запоминающийся образ в документальной и художественной прозе. Обратимся к известным исследованиям ученых-востоковедов Н. И. Ильминского и А. Е. Алекторова, оставивших свидетельства его трудов, и к историческому роману лауреата государственной премии КазССР М. Д. Симашко «Колокол», посвященного И. Алтынсарину.

Известный востоковед, историк, этнограф, просветитель, действительный член Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, член Оренбургской и Астраханской губернских ученых архивных комиссий Александр Алекторов (1861–1918) самую активную и плодотворную часть своей научной жизни провел в Казахстане. Семнадцать лет из его сорокалетней литературно-публицистической и просветительской деятельности посвящено казахскому народу. Свыше 700 трудов принадлежит его перу, среди них особо выделяются материалы, связанные с историей, бытом и этнографией казахского народа.

А. Е. Алекторов составил «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (казахах)» [1], который издан в Казани в 1900 году «по определению Совета общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете от 9 сентября 1899 года» как Приложение к «Известиям Общества археологии, истории и этнографии» за 1900 год. Свыше 3000 статей охватывает это уникальное издание. Жизнь казахского народа, его многовековая культура, фольклор нашли отражение в заметках, рецензиях, статьях, помещенных в «Указателе...». Составитель-исследователь использовал при работе богатейший материал дореволюционной литературы, тщательно от-

бирая в книгах, журналах и газетах того времени сведения о казахском народе на русском и казахском языках. Бережно цитируется и вводится в научный оборот всё, касающееся жизни казахского народа, черт характера, привычек, речи. Так, американский военный корреспондент Я. М. Мак-Гахан в «Военных действиях на Оксусе и падении Хивы» пишет о доброте, гостеприимстве, добродетельности и честности казахского народа.

Непреходящий интерес с научной точки зрения представляет «Введение» к «Указателю...», поскольку содержит краткую историю казахского народа, этнографические зарисовки быта, описание черт характера народа, образа жизни.

Точность формулировок, трезвый критический взгляд отличают статьи и рецензии на книги В. В. Радлова, Н. И. Ильминского, И. Алтынсарина, В. В. Катаринского, П. М. Мелиоранского, А. А. Диваева, Б. Б. Бахтыгереева и др. Неоднократно на страницах «Указателя...» встречаются сведения о Н. И. Ильминском, цитируются труды ученого-просветителя об ораторской речи, раскрывается его роль в подборе кадров. Н. И. Ильминским рекомендован в Туркестанский край директор Ташкентской учительской семинарии М. Миропиев, автор интересного труда «Демонологические рассказы киргизов».

Впервые в Казахстане «Указатель...» А. Е. Алекторова с научными комментариями издан Институтом литературы и искусства имени М. О. Ауэзова КН МОН РК по программе «Фылыми қазына» в серии «Классические исследования» в 2013 году [2].

Для нас особенно важна высокая оценка А. Е. Алекторовым просветительской деятельности И. Алтынсарина. Востоковед-исследователь тепло отзывался о «Начальном Руководстве к обучению киргизов казахскому языку» (именно так, с прописной буквы, Руководство. – С. А.) и «Киргизской хрестоматии». «Начальное Руководство к обучению киргизов русскому языку», по мнению А. Е. Алекторова, было одною из самых необходимых книг в русско-киргизской школе, поскольку представляло собой «довольно полный русско-киргизский словарь» [3, с. 6].

Статья И. Алтынсарина «Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе, похоронах и поминках у киргизов Оренбургского Ведомства» по «обилию подробностей, характеризующих бытовую особенность киргизской жизни, составляет богатый материал для этнографии народа» [1, с. 104]. В разделе «Библиографическая новость» (Оренбургский Листок, 1879, № 49) помещена рецензия на «Киргизскую хрестоматию» И. Алтынсарина. Этот факт упомянут в «Указателе...» [1, с. 617] особо, как и очерк «Ибрагим Алтынсаринович Алтынсарин. Биографический очерк первого и последнего инспектора народных училищ Тургайской области из киргизов» [4].

Подробно пишет русский просветитель-педагог о выдающейся для ордынца карьере И. Алтынсарина, который прошел путь от младшего толмача Оренбургского областного правления до инспектора киргизских школ Тургайской области. А. Алекторов поэтично сравнивает его с А. С. Пушкиным: «Наиболее блестящим представителем киргизского народа со стороны литературного творчества может быть назван И. Алтынсарин, справедливо считающийся Пушкиным киргизов» [5].

Бесспорен тот факт, что при написании статьи «Письменная литература киргизов» А. Алекторовым использованы материалы из «Воспоминаний об

И. Алтынсарине» Н. Ильминского, но характеристику, данную Н. Ильминским И. Алтынсарину, он расширяет и дополняет. «Алтынсарин писался сыном почетного ордынца, а дед его, войсковой старшина Балгожа Ямгурчин (у Н. Ильминского – Балгожа Ямгурчин. – С. А.), был знаменитый в свое время бий во всей средней орде. Когда было предположено открыть в Оренбурге для образования киргизских детей особую школу, в 1846 году Ибрагима Алтынсарина, еще пятилетнего ребенка, умный дед зачислил в кандидаты. С открытием школы, 22 августа 1850 года Алтынсарин поступил в нее в составе первого курса и закончил учение в 1857 году. В 1859 году его назначили младшим толмачом Оренбургского областного правления, в 1860 году определили учителем одной из вновь учрежденных при степных укреплениях маленьких школ, именно при Оренбургском укреплении (ныне город Тургай), и переводчиком при том же укреплении.

25 февраля 1865 года за усердную службу Алтынсарина произвели в хорунжие, а 2 января 1869 года определили письмоводителем Тургайского уездного управления. В 1870–1872 и в 1874 годах, четыре раза по несколько месяцев, с разрешения оренбургского генерал-губернатора, Алтынсарин исправлял должность старшего помощника начальника Тургайского уезда и, за отсутствием самого начальника, временно исправлял и его должность.

С 1 сентября 1879 года Алтынсарин был назначен исправляющим должность инспектора киргизских школ Тургайской области и утвержден в ней 28 октября 1885 года, за выслугу лет постепенно производился в чины от губернского секретаря до коллежского советника и к сроку 1 мая 1889 года был представлен в статские советники, получил ордена св. Станислава и св. Анны 3-й и 2-й степени, – пишет А. Е. Алекторов. – Умер Алтынсарин 17 июля 1889 года» [6, с. 398].

«При такой выдающейся для ордынца внешней карьере, – цитирует А. Е. Алекторов Н. Ильминского, – Ибрагим Алтынсаринovich гораздо более замечателен был по своим личным качествам как человек умный, честный и симпатичный» [6, с. 398].

Воспоминаний немного – уточняет далее А. Е. Алекторов. Почти 400 страниц среднего формата книги Н. Ильминского включают приложения, среди которых «Высочайше утвержденное положение о школе для киргизских детей при Оренбургской пограничной комиссии», «Школы при степных укреплениях» и другие. Всего 9 пунктов, среди них два последних пункта имеют отношение к наследию И. Алтынсарина. «8) Письма и бумаги И. А. Алтынсарина к Н. И. Ильминскому, В. Вл. Катаринскому, Ар. Ан. и к Ф. Д. Соколову; 9) Письма учителей об Алтынсарине; Ар. Ан. Мозохина о деятельности Алтынсарина по Актюбинской школе, когда она временно помещалась в медресе, Ф. Д. Соколова о последних днях жизни и смерти Алтынсарина, об отношении его к школам и учителям и его частной жизни» [6, с. 399]

Многие, знавшие И. Алтынсарина, отмечали такую черту характера как «поэт-художник в душе». Именно в письмах отразилась душа его, взгляд на вещи, образование, любовь к учителям, «которыми он дорожил, но не оставлял и без строгого внушения в случае недостатков», подчеркивает Н. Ильминский.

В «Указателе...», комментируя книгу И. Алтынсарина «Начальное Руководство к обучению киргизов русскому языку» (Оренбург, 1879), А. Е. Алекторов указывает, что «оно содержит этимологию и синтаксис, и образцы для переводов» [7,

с. 136]. В «Киргизской хрестоматии» (Оренбург, 1879) «помещены басни и национальные рассказы, извлечения из песен и стихов лучших киргизских певцов, а также пословицы и поговорки» [8, с.136].

А. Е. Алекторов на страницах своих статей отнюдь не беспристрастный собиратель и издатель, фиксирующий все ценное, что ему удалось записать. Со страниц его произведений встает образ автора, озабоченного (в том случае, если речь идет о просвещении) или лиричного повествователя, поэтического рассказчика: «Забежал смычок по струнам кобыза. Загудел, застонал кобыз, сначала резко и дико, а затем полилась приятная мелодия». Все исследования, как и сбор, и запись образцов народного творчества, раскрывают широту интересов, энциклопедическую образованность русского ученого-востоковеда. Истинное просвещение родилось на Востоке, озарило Запад...

Образ великого казахского просветителя Ибрая Алтынсарина, стоявшего у истоков национального образования и создававшего совершенно новые для того времени народные светские школы – центральный в повествовании М. Симашко «Колокол». Писатель прослеживает становление характера, формирование мировоззрения казахского просветителя. И. Алтынсарин в постоянном поиске национального самосознания («кто есть я»?) и раскрытии национальной идентичности. Но рамки романа не ограничены судьбой главного героя. Это повествование о Времени.

Сюжет романа «Колокол» о жизни и судьбе Ибрая Алтынсарина, сумевшего выйти из окоема и проложить дорогу к свету и знаниям узунским кипчакам, развивается неторопливо. Картины городской жизни чередуются с описанием жизни и быта узунских кипчаков. Интересный прием использует автор: два мира окружают главного героя, в двух мирах живет он, и два мира живут в нем самом. Такой композиционный прием позволяет нарратору-повествователю наиболее полно раскрыть внутренний мир героя, передать его мысли и чувства, взгляд на факты и явления окружающей жизни.

Центральной фигурой степи является бий Балгожа. Правитель рода, человек с властным и спокойным взглядом, пользовался уважением и своих сородичей, и Генерала в Оренбурге.

В целях наиболее полного раскрытия внутреннего мира персонажей М. Симашко прибегает к использованию несобственно-прямой речи, включая в авторское повествование высказывания, речевые обороты, характерные для действующих лиц романа. Речь автора и речь героя словно сближаются. Посредством несобственно-прямой речи главного героя романа переданы его раздумья о будущем: «Он вдруг осознал, когда учитель Алатырцев или топограф Дальцев и даже Мирсалих-ага говорили в пылу спора: “мы, русские, наши российские порядки”, то про себя он повторял это за ними. Как же так, если оставался он узунским кипчаком? И как быть с бесчисленными тобольскими, ишимскими, тургайскими, уильскими кочевьями?» [9, с. 33–34].

Образ главного героя не статичен, он дан на страницах романа в развитии. Задумываясь над тем, как будут дальше жить сородичи, Ибрай решает вернуться в степь, на родину. Мотив поиска родины, возвращения и вновь путешествия преобладает в прозе М. Симашко.

Но счастлив в степи, на родине Ибрай быть не может. Будучи письмоводителем у своего деда, бия и войскового старшины Балгожи Джанбурчина, он оказался

в гуще борьбы за право наследования престола. Хитрость и обман Кулубека и Хасена, бесконечные тяжбы и вызовы в суд, обвинения во взятках и вместе с этим однообразие и монотонность жизни удручающе действуют на Ибрая. Пейзажные описания навевают воспоминания о той, прежней жизни, помогая понять душевное состояние героя: «...Была уже зима и лежал снег. Замерзшая речка ледяным полукругом обтекала берег. Редкая белая крупа сыпалась с неба. Вспоминалось вдруг, что сегодня Новый год – по-другому, когда-то существовавшему для него счету».

М. Симашко из глагольного ряда *вспомнить – помнить – вспоминать* включает в пейзажное описание глагол, обозначающий длительный процесс во времени – *вспоминалось*. И словно ускоряя течение времени, приближая мгновенную вспышку сознания, употребляет сочетание *вспоминалось вдруг*. И будто само по себе приходит решение вернуться в город. Первым на этот шаг решился дядька Жетыбай, который понял, что вырваться из окоема можно только при помощи русского народа. Настоящая дружба связывает его с солдатом Деминым.

Большую роль в формировании мировоззрения Ибрая Алтынсарина сыграли его школьные учителя – надзиратель Дыньков и учитель русской словесности Арсений Михайлович Алатырцев, прототипом которого послужил корреспондент герценовского «Колокола». В главе седьмой романа на вечере в доме учителя Алатырцева обсуждаются пути дальнейшего развития России. В восьмой главе воспроизведен внутренний монолог Алатырцева о судьбах русского и казахского народов, об Ибрае. По наблюдениям Алатырцева, Ибрай «сильнее умом и чувствами», чем его товарищ Бахтияров. Он сумел проникнуть в душу и понять характер русского народа, почувствовать красоту и выразительность русского языка, понять всю любовную боль Гоголя, отразившуюся на страницах «Мертвых душ».

Дружески-доверительные отношения Арсения Михайловича Алатырцева и Ибрая Алтынсарина в итоге приводят к тому, что своему любимому ученику завещает все свои книги учитель. И так же, как у учителя Алатырцева, сидят в доме у учителя Алтынсарина ученики с положенными им чаем и булкой. Даже внешнее сходство наставника и юного педагога подмечает автор: «Так же, как у учителя Алатырцева, были у него (у Ибрая. – С.А.) небольшая бородка с усами, расчесанные в сторону волосы».

Портретные характеристики занимают важное место в ткани художественного произведения. Учитель обращает особое внимание на выражение глаз своего ученика: «В глазах Алтынсарина какая-то неотступная пытливость. И слезы проступают от затаенной боли». Добрая, притягательная сила, исходившая от главы семейства Ильминских – Николая Ивановича, тепло, наполнившее его жизнь, изменили и самого Ибрая. В семье Ильминских Ибрай легко и прямо высказывал самое тайное, что думал. Говорил громко. Смеялся во весь голос.

В облике Н. Ильминского акцентируется внимание на больших голубых глазах, легком шаге, теплых, крепких руках. Глаза народного просветителя сияют, светятся вдохновением, стоит ему только заговорить о пользе просвещения.

Одна из особенностей творческой манеры М. Симашко состоит в том, что первоначальная характеристика героя в процессе развертывания действия дополняется новыми деталями. Так, портрет родственницы Ильминских – Дарьи Михайловны дан через восприятие Ибрая. Обращает на себя внимание голос

героини, мягкий и ровный, полный ласковой силы. Далее подчеркивается простота слов и простота внешнего облика: «Все в ней было просто: белое лицо с чуть вздернутым носом, гладко зачесанные волосы, спокойные серо-голубые глаза» [9, с. 103].

Прослеживается трансформация стиля романа, он словно включает в себя несколько стилевых направлений. В иной стилистической манере идет рассказ о роли Дарьи Михайловны в судьбе Ибрая. При виде ее в памяти Ибрая «возникла сказка, которую учил он в школе: из темноты нависали лапы деревьев, и кто-то мчался на сером волке, бережно придерживая ее...» [9, с. 139]. О каждом из героев автор пишет по-особому. Манера повествования стилизована под стиль XIX века, что придает роману особое очарование. Читатель погружается в размеренный ритм исторической прозы М. Симашко, в которой неразрывны судьбы русских и казахских педагогов-просветителей и их учеников.

С молчаливого согласия и одобрения Дарьи Михайловны решается Ибрай посвятить свою жизнь учительской деятельности. Особенности речи героини, построение фразы отражены в ее внутреннем монологе: «Что ж, Ибрай, как по-смотришь, настоящий учитель. Серьезный такой: даже и в чувствах».

В монографии «Русская литература Казахстана» Б. Джолдасбекова пишет о том, что «в основе архитектоники романа “Колокол” лежит последовательно проведенный циклический принцип. Цепь сюжетных звеньев представляет собой систему замкнутых кругов, фактически являющихся ипостасями одного и того же круга – окоема. Образ окоема возникает неслучайно: неоднократно повторяясь и представая в различных вариациях. Он вырастает до символа. Деление повествования на вступление и три части (“Окоем”, “Два мира”, “Колокол”) также оправдано причинно-следственными и хронологическими связями и, прежде всего, авторской установкой» [10, с. 175–176].

Важную роль в формировании характеров героев играет их окружение и среда, историческая действительность. Время – своеобразный лирический герой прозы М. Симашко и представляет собой «единство прошлого, настоящего и будущего. Данные измерения взаимообуславливают друг друга и постоянно присутствуют в жизни людей. ... Отсюда понимание времени как нравственного ориентира человека» [11, с. 154]. Сложен и противоречив образ генерала Григорьева, как, кстати, и Герцена, яркого сторонника монархии, призывающего впоследствии к ее свержению. Для этих персонажей, исторических личностей время не выступает нравственным ориентиром.

Будучи преподавателем Ришельевского лицея, Григорьев грузил порох для восставших греков. Но жестокая действительность отодвинула далеко назад философские споры, идеи Белинского и тирады Грановского. Подчинившись неведомой могущественной силе, воплощением которой является подполковник Первой экспедиции Третьего отделения Городецкий, Григорьев заключил сделку с совестью. Размышления о нелицеприятном поступке содержатся во внутреннем монологе персонажа, предвещающего воссоздаваемую далее картину прошлого.

Образованный, умный генерал Василий Васильевич считал своей задачей честно служить науке. Находясь в Оренбурге, он стремился сделать все возможное для просвещения казахского народа. В его портрете нарратор-повествователь особо выделяет выражение глаз. Они могут меняться, подчеркивая смену настроения

генерала. Подбираются и более соответствующие им эпитеты: серые *спокойные*, серые *холодные*, серые *с металлическим светом*.

Став начальником Главного управления по делам печати, действительный тайный советник Григорьев изменился и внешне. Говорит как механическая кукла. Такое удачное сравнение подчеркивает трансформацию образа. Словно паутина серости, которой хотел опутать Россию Николай Павлович, коснулась и генерала. «Как бы жизнь остановилась в широколобом породистом лице. Накануне купил он (Ибрай. – С. А.) книжку Генерала “Россия и Азия”. Все там было на месте: факты, события, отточенный стиль. Одного не было: той улыбки, с которой когда-то подошел к нему этот человек на устроенной им елке...» [9, с. 276]. Должность накладывает отпечаток на характер и личность Генерала.

С несомненной симпатией пишет М. Симашко о Яковлеве, умном, честном, заботящемся о просвещении казахского народа. Школа была для полковника Яковлева средством утверждения его мироощущения. И символично, что за одной из школ так и сохранилось название Яковлевской. Таким образом, роман «Колокол» репрезентирует в художественных образах картину жизни казахского общества XIX века.

Внутренние монологи на страницах романа содержат сведения биографического характера и портретные характеристики персонажей, передают раздумья действующих лиц. Неуловимо, мимолетно, как бы между прочим, одним штрихом раскрывается характер персонажей. Пальцы полковника Пальчинского беспрестанно что-то ощупывают. Обыгрывается фамилия героя и подчеркиваются черты характера: суетливость, недобросовестность. Бедность и богатство, борьба за право наследования власти царят и в степи. Стоило бию Балгоже посадить по правую от себя сторону Ибрая, как «сразу побагровела шея у дяди его Хасена, сузились и совсем перестали быть видны глаза и губы у другого дяди – Кулубая».

Раскрытию характеров служит и речь персонажей. Любимое слово Ильминского – «душевный». И невольно Ибраю вспоминаются ранее услышанные слова: «Душу живу надо иметь!». Таким образом сближаются характеры Ильминского и Дынькова, который еще в школе изменил прежние представления Ибрая о добре и зле. Напутствуя молодого учителя, Николай Иванович говорит возвышенно. «Суть первые маяки цивилизации в азиатской степи эти школы, и счастлив тот, кто стоит у начала пути к свету собственного народа!.. От них зажгутся другие маяки, от тех – третьи, и вся древняя эта страна озарится огнями».

В историческом повествовании М. Симашко немало лиц реальных, живших в ту эпоху. Они художественно воссозданы в романе и наделены индивидуальными чертами, один из них – акын Марабай. Интересен композиционный прием, к которому прибегает прозаик: в переломные моменты жизни Ибрая Алтынсарина происходят его встречи с акыном Марабаем.

В детстве Марабай, ровесник Ибрая, беззаботно играл в асыки, рассказывал о своем коне. Но, начиная петь, преображался. Иной становится и манера повествования: «Мальчик с черными глазами стал вдруг расти, тонкие руки его повелительно управляли временем, лоб осветило страдание». Встречи с Марабаем помогают Ибраю осознать, что он – один из представителей рода узунских кипчаков, ибо его глубоко волнует пение акына, «и со всеми качался он в такт горестной музыке, радовался победам и плакал над неудачами предков».

Мотив встречи становится определяющим. Вторая встреча происходит в городе. Друзья Ибрая становятся и друзьями Марабая. Он удивительно знает и понимает человеческую психологию. Глаза Николая Ивановича Ильминского сравнивает акын с теплыми голубыми камнями, оберегающими от злых духов. Лишь Красовский представляется ему человеком с черным лицом.

Виртуозное исполнение кюев и искусное пение Марабая раскрывают героическое и трагическое прошлое Великой степи: «Акын все играл. Никогда, казалось не вырваться никому из этого завораживающего ритма. И вдруг словно из бездны времени обрушилось что-то огромное, трагическое, разрушая гармонию вечности. Почти зримо ворвались в замкнутый окоем ширококостные приземистые всадники, заходили в небе черные и красные полосы. Холодный, безжизненный звон раздался в мире. Там, где должно было взойти солнце, встал многорукий бронзовый идол с рубиновыми глазами. “Зарзаман” – время Великой Скорби пел акын Марабай» [9, с. 171].

Поэтика и стиль произведения характеризуются чередованием авторского повествования с внутренними монологами героев, органичным включением в текст романа подлинных исторических документов, переписки Ибрая Алтынсарина с Ильминским, цитат из герценовского «Колокола». Художественно убедительно сравнение герценовского журнала с горящими углями: «И словно горящие угли, лежали в нижнем ящике шкафа книжки с муаровым титулом. Даже звон остался в ушах от их названий» [9, с. 135].

Глубокое знание истории М. Симашко раскрывает современным читателям Г. Бельгер: «Для Мориса Симашко Средняя Азия и Казахстан были таинственной и увлекательной книгой, которую он любил, читал и перечитывал, изучал и анализировал, по-своему излагал и блистательно проецировал на современность» [12, с. 13]. М. Симашко обладал «редким умением увидеть изнутри жизнь другого народа, что и исследует современная имагология, наука об образах» [13, с. 198]. Исторические полотна М. Симашко о выдающихся деятелях казахской культуры и литературы, об И. Алтынсарине в первую очередь несут огромный просветительский заряд, подтверждая неизбывную тягу наших народов друг к другу.

В художественных образах воссоздает М. Симашко на страницах романа «Колокол» судьбу и окружение педагога-просветителя И. Алтынсарина. В названии романа находят отражение и идеи «Колокола», призывающего к борьбе, и звук первого школьного звонка, огласивший степь. Особой символикой отмечена одна из последних сцен произведения – открытие новой школы: «Сильный, высокий звон раздался в воздухе, перелетел Тобол, укатился в степь...». Колокол – это и призыв к просвещению.

Работая над романом «Колокол», М. Симашко ознакомился с целым рядом исторических документов. Беседуя с ним, к огромному сожалению, я не задала вопрос о том, был ли в их числе уникальный библиографический «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах» А. Е. Алекторова, изданный в 1900 году в Казани в типо-литографии Императорского Университета. Несомненно, и А. Е. Алекторов, и М. Д. Симашко высоко ценили вклад И. Алтынсарина в просвещение родного народа, в открытие новых школ, как и написанные им учебники и учебные пособия для учебных заведений родного края. Ярко выраженная воспитательная и развивающая направленность жизни и

деятельности И. Алтынсарина и привлекли, безусловно, внимание к его выдающемуся образу, мастерски и доброжелательно запечатленному Н. И. Ильминским, А. Е. Алекторовым и М. Д. Симашко.

Творческая интерпретация идеи культурной дистанции позволяет нам свободно перемещаться из прошлого в настоящее, возвращаясь к научному, педагогическому, литературному наследию известного педагога И. Алтынсарина, труды которого важны для педагогики, образования, просвещения и в XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алекторов А. Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900.
2. Алекторов А. Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах). Алматы: Әдебиет әлемі, 2013. 976 с.
3. Алекторов А. Е. К мудрости ступенька. Азбука для учеников начальных русско-киргизских школ. Москва: Типо-литография В. А. Просина, 1891.
4. Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям. 1889, № 33.
5. Алекторов А. Е. Письменная литература киргизов // Астраханский вестник. 1894, № 1331.
6. Алекторов А. Е. Ильминский Н. Воспоминания об И. А. Алтынсарине. Казань, 1891 // Алекторов А. Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах). Алматы: Әдебиет әлемі, 2013. С. 398–400.
7. Алтынсарин И. Начальное Руководство к обучению киргизов русскому языку. Оренбург, 1879 // Алекторов А. Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах). Алматы: Әдебиет әлемі, 2013. С. 136.
8. Алтынсарин А. Киргизская хрестоматия. Оренбург, 1879 // Алекторов А. Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах). Алматы: Әдебиет әлемі, 2013. С. 136.
9. Симашко М. Колокол. Алматы: Жазушы, 1982.
10. Джолдасбекова Б. Русская литература Казахстана. Алматы: Қазақ университеті, 2008. 358 с.
11. Темирболат А. Б. Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе. Алматы: Ценные бумаги, 2009. 504 с.
12. Бельгер Г. О мудром Морисе // Бельгер Г. Избранное: Сочинения в 10-ти т. Т. 9. Алматы: Балалар әдебиеті, 2012. С. 12–14.
13. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. Караганда, 2014. 220 с.

